

* * *

Под раскидистым сияньем месяца
травы белые растут.
И в грозу берёзы эти мечутся,
наклоняясь прямо в пруд.

Говорлива и ничем не связана
тёмной рощи мощь,
и живёт природа безнаказанно
там, где жить невмочь.

Чаща шла вперёд стеною сильною,
вытесняя сруб избы.
Здесь сегодня заросли лосиные
и во множестве грибы.

Полон, по корзинам не вмещается
безыскусный дар земли.
Так и на поминках угощаются
все, кто б ни пришли.

Ты взгляни из Рая обретённого –
не отыщешь своего следа:
надо всем сомкнулась роща тёмная,
как в реке вода.

Космос есть, где за одно мгновение
пролетают сотни лет.
И Земля окутана в забвение,
как в зелёный плед.

* * *

Перелесок листом облетевшим горчит,
и на всём оскуденья печать.
Крикнет птица вдали – и опять замолчит,
словно не о чем больше кричать.

Под осеннею прелью земля залегла,
погрузилась в промозглую тьму –
и молчит, и молчит, ибо всё отдала
и уже не нужна никому.

Здесь холодные капли с ветвей моросят,
и столбами гуляет туман.
Здесь и шишки рядами на ели висят,
словно души ушедших крестьян.

Обессилела, выдохлась в долгой борьбе
заскорузлая топкая гать
и втянула в себя, утопила в себе
всё, что людям пыталась сказать.

И повалится снег, устилая места,
отдавая в наём площадь,
где навек затонула твоя красота,
от постыдного взора уйдя.

* * *

В медленном шуме листвы
где вы, деревья, стоите ли?
Посланы на землю вы
как иноземные жители.

Ввысь устремлённая рать,
что вам из космоса чудится?
Должен же кто-нибудь знать
всё, что случилось и сбудется.

Стоя в миру целый век,
вы ль не считали потерь его?
Что позабыл человек –
помнит молчащее дерево.

В сети раскидистых крон
ветер ворвется лавиною,
тёмный, клубящийся стон
долго висит над равниною.

В землю уходит смола,
жизнь по стволу поднимается.
Я среди вас возросла,
помнить училась и маяться.

Вот я иду за село
школьной дорогой изгнания.
Мне навсегда тяжело
от непосильного знания.

* * *

Где небо над полем нависло
и дождь размочил колею,
там я без особого смысла
живу в допотопном краю.

Привычная к зною и стуже,
вдали от глобальных идей,
живу я не лучше, не хуже
других неприметных людей.

Работали люди и пили,
убогую ношу несли.
И акций они не скупили,
и в новую жизнь не вросли.

Уткнувшись в свои огороды,
в нехитрый удел свой земной,
наивные дети природы
неслышно пройдут стороной.

И там, где сольётся дорога
в тумане, в морозном дыму,
всё мнится присутствие Бога,
но нет доказательств тому.

ЛЕБЕДЬ

Вымахнут травы короной густой,
высушит ветер апрельскую сырость.
И лебедёнок, что рос сиротой,
за зиму в сильного лебеда вырос.

Вот он плывет к середине пруда,
скудного детства забывший невзгоды,
словно сама его движет вода
как наивысшее чудо природы.

В заросли солнца вплетён краснотал,
чистые росы осыпали поле.
Час торжества! Он нежданно настал
как проявленье космической воли.

Есть у тебя только час, только миг,
самозабвенная, вольная младость!
Но, торжествуя, никто не постиг,
не уберёг эту краткую радость.

Та же река, да не те берега,
всё раскачало волной парохода.
Скошен в лугах и уложен в стога
жаркий кумач твоего хоровода.

ПОЛЫНЯ

Грунт осенний по дорогам взрыт,
и вода застыла в колее.
И звезда меж тучами горит,
словно утонула в полынье.

Так мерцает недоступный клад,
брошенный в пучину тёмных вод.
И заиндевелых елей ряд
небо, а не землю стережёт.

Ничего не помня, не прося,
тьма застыла в поле и в саду,
словно жизнь переместилась вся
в эту одинокую звезду.

Всяк, кто жил, смеялся и грустил,
не дождавшись счастья и весны,
вверил душу холоду светил,
что порой меж тучами видны.

Где твоя особенная статья,
чистота и мужество твои?
Вспомнились – а их и не достать,
не вернуть уже из полыньи.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Я буду скакать по холмам,
по тёмной вечерней дороге,
где тени, восстав из лесов,
клубятся в тоске и тревоге.

Гори же, прощальный закат,
не меркни, полоска живая!
Вершины вонзились в тебя,
по капле всю кровь выпивая.

Услышат ли топот копыт
в далёком оставленном стане,
где белая церковь стоит
по горло в вечернем тумане?

И скоро её навсегда
ночная завеса закроет.
Восходит на небо луна
и низко висит над горою.

Скачи же, мой преданный конь,
по родине, как по чужбине!
Исчадия ночи и зла
тебя не сгубили доныне.

Во мраке дорогу торя,
лети над родной стороною!
Дыханье Лесного царя
всё ближе у нас за спиною.

Родимый, давай, поспешай!
Заклятье мне веки сковало.
Держись! В нашей жизни с тобой
ещё не такое бывало.

Вперед, златогривый, вперед!
Удача тебя не обманет:
тебе же и солнце взойдёт,
тебе же и утро настанет.

МОЛЧАНИЕ

Голубого тумана завеса,
на сто верст по утрам тишина.
И в молчании ближнего леса
бесконечная повесть слышна.

Вот рябина ветвями качает,
вот неслышно кружится листва –
тот, кто жил, без труда различает,
как молчанье слагает слова.

И бескрайние дали листая,
по равнине, слепой от дождя,
бродит смыслов безмолвная стая,
за предел бытия уходя.

Перелески, овраги да спуски,
безысходность заброшенных сёл...
Если ты понимаешь по-русски,
ты давно эту книгу прочёл.

Вовлечённый в поток поневоле,
собеседник безмолвный всего,
ты все смотришь в широкое поле
и не смеешь сказать ничего.

ПОЛЕ У ДЕРЕВНИ МОШАНЫ

В полдень здесь под куполом небес
так бесцельно пролетает ветер,
словно жизни смысл совсем исчез,
незачем и жить на белом свете.

Здесь преграда вечности снята,
нет опоры страсти и гордыне.
Гулкая гуляет пустота
по бескрайней солнечной равнине.

И тебе не следует, нельзя
уповать на помощь или милость,
словно правда нашей жизни вся
в этом месте исподволь скопилась.

Мой товарищ, лёгкий на подъем!
Нам с тобой поклажа не мешает:
мы все так же за руку идем,
словно кто-то все за нас решает.

Не затем ли в предвечерней мгле
нам иные открывались были:
словно мы бывали на Земле,
но ничто с собой не захватили.

ЗИМНИЙ ХОЛОД

Выхожу я в тёмное пространство
зимней ночи, длящейся давно,
и её морозное убранство
звёздным светом всё озарено.

Не было ни осени, ни лета,
не бывало юности моей.
Падают на землю иглы света,
иней упадет с тополей.

Так тропа туманная, сырая,
знойная, зелёная стезя
тихо довела меня до края,
за которым жить уже нельзя.

Словно тяжкий упадет молот,
грозный наступает приговор.
Но люблю я этот зимний холод
и морозом скованный простор!

Рождена среди студеной пыли,
я ещё не ведаю сама,
как меня спасали и хранили
снег, мороз и русская зима;

чем меня дарили поневоле,
в снежное закутав полотно.
– Студено ли, девица, на воле?
– Нет, нисколько мне не студено.

По тропинке крутой я спускаюсь с горы,
где осины безмолвно горят,
где багряной листвы столбенеют костры,
как и многие годы назад.

Эти кроткие стражи родной стороны,
эти клены, березы, ручьи
вместе с жизнью тебе невозбранно даны
как немые собратья твои.

Чтоб в любую беду и до смерти своей
ты нигде не остался один,
реют гордые кроны густых тополей,
в руки тянутся гроздьях рябин.

И когда тебе сил ни на что не собрать,
и когда тебя жизнь подвела,
обозначится их нерушимая рать,
прошумев от села до села.

Трепет лиственных уз, сила древних стволов
и корней, уходящих во тьму...
Ты так долго живешь, что и сам ты таков
и у них научился всему.

ВОДОЕМ

Листва и крыши. Листопад
и сон в избушке над рекою.
Так было много лет назад
и стало символом покоя.

Ты брови темные не хмурь,
кидаясь в память за спасеньем:
там было много грозных бурь
и отдых в холоде осеннем.

Там поле темное мертво,
и первый снег уже искрится.
И рада я, что ничего
из прошлого не повторится.

Я знаю, что прожить смогу
в какую хочешь непогоду.
И я стою на берегу,
подолгу вглядываясь в воду,

в осенний темный водоем
среди равнины безучастной,
где затихает дальний гром
любви и нежности напрасной.